

УДК 630.93

История становления лесных отношений в византийском и мусульманском праве

Козлов Денис Валерьевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель,
кафедра международного права,

Южный федеральный университет,

344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;

e-mail: DVKozlov@sfedu.ru

Аннотация

Цель. Целями работы являются описание регулирования лесных отношений в византийском и мусульманском праве и оценка их влияния на российское право. **Методология.** Методология работы включает в себя применение общенаучных (диалектический и эвристический методы, метод системного анализа) и специальных методов научного познания, в том числе сравнительно-правового и историко-юридического. **Результаты.** Византийское право было создано на основе древнеримского. На первоначальном этапе лес признавался составной частью земельного участка и на него устанавливались право собственности, эмфитевзис, узуфрукт и аренда. Причем последняя постепенно теряла свой гражданско-правовой характер и приобретала черты публичной зависимости арендаторов от арендодателей, что привело к появлению колонов и патроната. На территории Византии получил свое развитие групповой патронат, когда целые деревни признавали свою зависимость от магнатов. Однако нашествие славян и арабов резко изменили сложившуюся картину: прежние виды прав были заменены общинной собственностью, стратиотным землевладением (аналог казачьих земель) и возродившейся арендой. Кроме того, лесные насаждения стали рассматриваться в ряде случаев как отдельный объект прав (независимый от земельного участка). На позднем этапе существования Византии к уже существующим формам добавились парическое право как аналог крепостной зависимости и прония – прообраз русского поместья. **Заключение.** Мусульманское право не знало четко выраженных гражданских форм, все институты носили смешанный частно-публичный характер. Наиболее известным был суюргал (икта) – аналог пронии, часто предоставлявшийся вместе с освобождением от повинностей (тарханной грамотой). Также был распространен вакуф – владение землей с насаждениями при мечетях. Мульк (собственность) встречалась редко.

Для цитирования в научных исследованиях

Козлов Д.В. История становления лесных отношений в византийском и мусульманском праве // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 10В. С. 270-282.

Ключевые слова

Византийской право, мусульманское право, собственность, аренда, лесные насаждения, земельный участок.

Введение

Поскольку российское право в настоящее время относится к романо-германской правовой семье, для понимания глубинных характеристик институтов отечественного гражданского права традиционно принято обращаться к римскому и континентальному гражданскому праву. Однако необходимо учитывать, что исторически подобная зависимость российского права существовала далеко не всегда и возникла после реформ Петра Великого. В допетровский период российское право развивалось под влиянием иных правовых семей, которые оказали большее влияние, чем европейское право, представленное Польшей и Великим княжеством Литовским. Речь идет о праве двух стран – Византии и Золотой Орды, чье воздействие в политическом и государственном плане на Русское государство никем не отрицается, но о влиянии гражданского права практически нигде нет упоминаний.

Настоящая статья призвана немного восполнить указанный пробел и будет посвящена праву на лесные участки в Византии и Золотой Орде с указанием тех правовых институтов и норм, которые получили свое распространение и в отечественном праве.

История развития лесных отношений в византийском праве

История развития земельных и лесных отношений в Византии начинается тогда, когда заканчивает свое развитие римское право (IV-VI века). В этот период в Византии, как и в Западной Римской империи, господствует крупная земельная собственность – латифундии с большим количеством рабов-земледельцев. Лесные участки отдельно не выделяются и рассматриваются как часть земельных участков. Однако в отличие от западных провинций на Востоке основная масса рабов обрабатывала не господскую (домениальную) пашню, а специально выделенные для них участки – пекулии. Подобная ситуация уходила корнями в эллинистическую эпоху (III-I века до н. э.), когда царские рабы и иеродулы храмов по своему правовому положению стояли ближе к зависимым крестьянам, чем к рабам эргатулов Запада. Следствием этого было наличие более мягких форм рабства, при которых рабу предоставлялась фактическая и юридическая правоспособность (так, греко-египетские

рабы еще во II-III веках владели собственным имуществом). Хотя земельный участок пекулия, имущество, скот, орудия труда, семена принадлежали господину, раб фактически имел значительные права по распоряжению этим имуществом. Практика отпуска сельских рабов на свободу, широко распространенная в IV веке, еще более приближала их положение к положению зависимых крестьян, колонов. По закону императора Валента II 371 года вольноотпущенники (рабы, отпущенные на свободу) признавались колонами.

Положение колонов в ранней Византии было двойственным. С одной стороны, он обладал собственностью и считался лично свободным человеком, с другой – был прикреплен к земле и являлся наследственным держателем. В случае приобретения земли или имущества, достаточного для существования, он мог вновь стать независимым собственником. Однако чаще всего, в результате роста недоимок по податям и долгов, колоны теряли принадлежавшую им собственность. В 365 году они утратили право отчуждать свою собственную землю без согласия господина [Гримм, 1904, т. 1, вып. 1, 57]. Произошло разделение уже в среде самих колонов на свободных – элевтеров (*ελευθεροι*) и приписных – адскрипций или энапографов (*εναπογραφοι*). Правовой статус энапографов имел тенденцию к сливанию со статусом рабов-пекулистов. Подобный процесс проходил аналогично сближению статусов закрепощаемых смердов и холопов (рабов) на Руси в XVI-XVII веках.

Так как количество элевтеров постоянно сокращалось, в V веке состояние дел в Византии характеризуется наличием крупной земельной собственности, которая обрабатывалась колонами на условиях наследственной квазиаренды, осложненной их личной зависимостью. Иными словами, нормы частного права все больше и больше опутывались правом публичным. Причем земельная аренда практически исчезла, в то время как личная аренда была распространенным явлением в сельском хозяйстве, так как во время сбора урожая ни рабов, ни колонов не хватало. На этот сезон широко привлекались мистоты – поденщики из городской и свободной деревенской бедноты. Основными формами крупной земельной собственности были сенатская, императорская, церковная.

Второй по значению формой собственности, помимо латифундии, были земли общин или комитуров, митрокомий (*χωρια ελευθεριχα, χωμητουραι μητροχωρια*). На территории империи имелись общины разных типов, представлявшие разные стадии общинного развития. Одни объединяли почти независимых друг от друга земельных собственников-крестьян различного достатка, обладавших правом полного распоряжения своей землей, правом продажи, отчуждения ее в целом и по частям. Члены других общин располагали более ограниченным правом собственности: крестьяне могли здесь распоряжаться своей долей (*μερος*) лишь в целом, то есть полностью продавать свой участок и свои права на пользование общественными угодьями. Существовали и общины сравнительно архаического типа, где строго соблюдался принцип равного пользования землей, периодически производились земельные переделы, запрещалось отчуждать надел или дробить его. В некоторых горных районах продолжали сохраняться остатки кровнородственной

общины. Однако преобладающим типом была соседская община – митрокомия, в которой крестьянин обладал участком на праве частной собственности, но был ограничен в возможностях его отчуждения.

Наряду с индивидуальными участками крестьяне имели общественную землю (лесные участки, пруды, луга), которая являлась коллективной собственностью селения. Она использовалась односельчанами совместно и могла быть подарена, продана, сдана в аренду лишь с единодушного согласия общинников.

Община обладала не только частноправовыми, но и публично-правовыми полномочиями, причем круговая порука объединяла всех членов общины. Коллективную ответственность за полное поступление податей обеспечивала эпиболэ (уплата за пустующие или покинутые соседями участки). Увеличение налогов шло постоянно и влекло за собой разорение крестьян и оформление патроната (прекария).

Патронат – передача крестьянином своего земельного участка крупному собственнику по договору дарения или купли-продажи в счет погашения долга в обмен на покровительство. При этом крестьянин снова получал земельный участок в прекарий и уплачивал за владение и пользование им определенный денежный или натуральный оброк.

До середины IV века преобладал индивидуальный патронат, который являлся формой колоната, но со второй половины IV века отдача под патронат стала массовой: целые свободные деревни искали «покровительства» магнатов.

Развитие *patrocinia visogum* – специфической особенности восточных провинций, в которых сохранилась крестьянская община, – накладывало определенный отпечаток на эволюцию патронатных отношений. Индивидуальный мелкий земельный собственник сразу попадал в полную зависимость от патрона, а патронат над свободной общиной к установлению группового колоната не вел, поскольку такой патронат в принципе не признавался государством и не мог быть законно оформлен по фискальным причинам. Широкое распространение такой формы патроната не только привело к появлению многочисленных лазеек по обходу действовавших законов, но и к распространению группового патроната на другие категории колонов. В V-VI веках отмечен процесс перехода в колоны средних собственников (куриалов) под патронаж магнатов целыми поселениями, что вело к постоянному укрупнению земельных хозяйств и оформлению латифундий.

Однако этот процесс все равно не приобрел такого интенсивного развития, как на западе, тем более что во Фракии, Дакии, отчасти Македонии и Иллирике число свободных крестьян возросло скорее в связи с переселением десятков тысяч бастарнов, гепидов, готов, сарматов и других племен, обычно оседавших здесь в качестве федератов (воинов римской армии) и лимитанов (воинов-пограничников), которые получали для заселения обширные пространства и обязаны были нести военную службу. Таким образом, именно в Византии зародилось условное держание земли в обмен на военную службу, которое получило свое развитие в западноевропейском лене, русском поместье.

Аренда в описываемый период действовала в основном в отношении церковных земель, где арендодателями выступали тесно связанные с монастырями магнаты, и императорских земель, где она, как и в Риме, часто перерастала в эфитевзис.

Помимо эфитевзиса существовали и иные похожие на него формы (*jus perpetuum*, например), не ограниченные временем и с неизменной рентой. Перпетуарий мог передавать эту землю по наследству, продавать, дарить ее, отдавать в аренду, но отвечал за поступление канона и в случае его неуплаты лишался земли. Близкой к перпетуарию была аренда по *jus privatum salvo canone*, когда арендатор, уплачивая постоянный ежегодный налог, получал право неограниченного распоряжения земельным участком или имением (*dominium*). Существовала и аренда по *jus privatum dempto canone*: арендатор фактически покупал здесь право частной собственности на арендуемую землю, внося сразу часть цены и выплачивая остальное в виде вечной ренты, меньшей, чем вносившаяся по условиям *jus perpetuum* и *jus privatum salvo canone* [Сказкин, 1967, т. 1, 80]. Однако к концу VI века все эти формы вытеснил эфитевзис.

Развитие Византии в IV-VI веках во многом продолжало развитие Рима, но в VII веке картина резко меняется: вторжения славянских племен, гражданские войны, перевороты, казни и конфискация имущества, потеря южных провинций под ударами арабов – все это физически уничтожает сенаторов-магнатов (крупных землевладельцев).

В VIII веке размеры земельных участков крупных собственников уменьшились. Более того, светская и духовная служилая аристократия (высший класс общества) стала жить в основном за счет жалования и разного рода выдач в деньгах и натуре, а не за счет доходов от сельского хозяйства (в отличие от прежних собственников латифундий). Эти выдачи могли быть экстраординарными или регулярными – к праздничным дням. При этом немалая часть этих сумм выдавалась в качестве монаршей милости, которой в любой момент можно было лишиться. Даже византийская церковь не имела нормативно установленного источника доходов, подобного западной десятине.

Следствием этой системы была нестабильность привилегированного класса: ни наследственных графств, ни родовитого дворянства не сложилось в Византии в VIII-IX веках в отличие от западноевропейских королевств. Социальный статус человека определялся не столько его имущественным положением, непрочность которого отчетливо проявилась в эпоху вторжений и конфискаций, сколько местом в административной системе, а это место было легко потерять и трудно передать сыну или зятю.

Значительные потери понесло не только крупное светское, но и церковное землевладение. Императоры-иконоборцы Исаурийской династии безжалостно конфисковали значительные земельные угодья монастырей и закрыли основную массу церквей. Данные земли составили государственный земельный фонд и активно предоставлялись стратиотам.

В земельных отношениях, как следует из Земледельческого устава Льва III (717-741), господствовала обычная крестьянская собственность (как индивидуальная, так и в рамках общины). Преобладала общинная собственность, которая распространялась на все лесные участки. В отношении пашни действовали очень интересные правила, отличающие ее от

современных европейских и русских аналогов. С одной стороны, надел (хорафий) считался частной собственностью, обнесенной забором. С другой стороны, крестьяне были вправе совершать на чужой земле любые действия, не связанные с посевом и уборкой сельскохозяйственных культур: рубить дрова, косить траву, пасти скот, собирать плоды с деревьев. Более того, допускалась ситуация, когда надел (земельный участок) находился в собственности у одного лица, а деревья, на нем растущие, – у другого. Иначе говоря, принадлежность земельного участка признавалась самостоятельным объектом права, что нарушало доминировавший до этого римский принцип *superficies solo cedit*.

В X веке сформировалось право близости (*πλησιασμος*), которое предоставляло возможность преимущественной покупки соседского земельного участка, что свидетельствует не только о развитии юридических норм, но и об ослаблении связей в общине. В это же время появился запрет на рубку леса на чужом земельном участке.

Возможным объяснением может быть господство кровнородственной общины, являющейся патронимией, то есть состоящей из больших коллективов сородичей, ведущих общее хозяйство. Выделившиеся малые семьи также не теряли связей с родичами, сохраняя какую-то часть наделов в совместном пользовании или ежегодно обменивая свои доли некогда общего участка. Упрочение родственных связей являлось результатом распространения по территории империи массы варварских (в первую очередь славянских) племен.

Рабство сохранилось, хотя и в гораздо меньших размерах, а вот колонат исчез. Даже обедневшие крестьяне (апоры), пока у них был хотя бы клочок пахотной земли, входили в состав общины и не попадали в чью-либо зависимость. Потерявшие землю общинники становились мистиями (батраками), которые нанимались для выполнения сельскохозяйственных работ, но к земле их не прикрепляли (в отличие от колонов).

Развитие общинного земледелия повлекло и возрождение классических арендных отношений – морты. Мортит (*μортитης*) – арендатор, берущий землю у собственника, названного в Земледельческом уставе «земледелец» (*χωροδοτης*), в обмен на уплату 1/10 урожая (один сноп). Урожай убирался в присутствии земледавца, чтобы не было обмана. Существовал и залог (заклад).

Помимо классической общинной собственности получает широкое распространение собственность стратиотов – свободных крестьян, обязанных являться на военную службу и освобождаемых от всех государственных налогов, кроме земельного. Данный вид собственности был установлен Воинским законом Льва III. Согласно постановлениям Льва III и его сына Константина V (741-775), с ним были связаны следующие ограничения: стратиотам запрещалось продавать имущество, с которого они несли военную службу; военный земельный участок обязательно переходил от отца к сыну с обязательством продолжения военной службы; в случае дележа участка между несколькими сонаследниками они обязаны были в складчину нести с него службу; частная собственность стратиота, внесенная в военные писцовые книги, также не подлежала отчуждению; от покупки военных участков и права наследования данных участков устранялись знатные, чиновные и церковные лица и учреждения. Подобные

ограничения в общем и целом сходны с ограничениями в отношении дворянских поместий в Московском государстве и казачьего землевладения в Российской империи.

В X веке начала формироваться крупная собственность уже феодального типа новой аристократии – донатов – отчасти как следствие расслоения среди стратиотов, отчасти как следствие усиления знати В XI веке после смерти Василия II (1025 год) этот процесс ускорился, но так и не достиг масштабов европейских аналогов. Следует отметить, что увеличение владений донатов проходило в рамках действовавшего законодательства через систему преимущественной покупки земельных участков, передачу им земельных участков крестьянами во временное пользование за долги до их погашения (*χρησις*). Собственность донатов называлась икосом, а крестьяне, работавшие на их земельных участках, – проастиями (аналог крепостных). Вместе с тем, поскольку проастиев было мало и общины были достаточно сильными, наблюдалось и некоторое увеличение рабовладения.

Параллельно активно восстанавливалось земельное богатство церкви после завершения иконоборчества. Монастырям передавались выморочные и брошенные общинниками участки (класмы), на которых селились зависимые крестьяне – парики.

Парическое право получило свое развитие в X веке, возникнув из договоров аренды и эмфитевзиса. Предметом данных договоров была не только пахотная земля, но и виноградники, сады, масличные плантации, пастбища, дубовые рощи как разновидности земельных участков (объекта недвижимости). Арендатор мог расторгнуть договор, сдать участок в субаренду, переуступить свое право другому лицу.

Согласно постановлению магистра Косьмы, видного византийского юриста X века, парическое держание в отличие от обычной аренды, которая гарантировала арендатору землю на срок, зафиксированный в арендном договоре, имело «силу, прочность и твердость, пока на то была воля и согласие господина земли». По воле последнего парик мог в любой момент быть изгнан с переданного ему надела, он не приобретал на него никаких прав, не мог ни передавать, ни тем более продавать участок. Парики, однако, сохраняли право беспрепятственно покидать господскую землю, и земельные собственники в этом случае были обязаны вернуть им материал для постройки жилища. В целом рост земельных владений донатов вел к определенному возрождению римского права, а появление париков – к восстановлению некоторых норм о колонах. Их аналогом в русском праве можно считать нормы о закупах.

Появились в описываемое время и права на определенные выдачи, к которым относились солемний (право на получение с государственных крестьян определенных налогов), арифмос (пожалование права на владение определенным количеством париков, которое предоставлялось, как правило, с актом о пожаловании земельного участка) и характеристики (передача земель отдельных монастырей в условное держание донатам или крупным монастырям). Иногда эти выдачи соединялись с эскуссиями (иммунитетом) от налогов, что говорит о смешанном (частно-публичном) характере этих институтов и свидетельствует о развитии феодальных норм, для которых и свойственно неразрывное переплетение частных и публичных начал.

В поздневизантийский период (XIII-XV века) на передний план вышли владения донатов и церкви, отодвинув в тень общинную и стратиотную собственность. В основе владений донатов находились 2 вида прав: классическое право собственности, уходящее истоками в римскую эпоху, и прония, причем императоры бдительно следили, чтобы аристократы не объединяли слишком большие массивы земель в одних руках.

Прония (πρόνοια – попечение) – это срочное или пожизненное (редко наследственное) императорское пожалование светскому лицу или монастырю в награду за службу права сбора налогов с определенной территории с правом владения, пользования, управления ею. Рассматривалась как аналог бенефиция и представляла собой пожалование совокупности вещных и нетелесных прав: права на временное владение землей, права на переуступку пронии, права на взимание налога, права эксплуатацию крестьян. Прония рассматривалась как смешанное право, но (и это является характерной особенностью Византии) земельные отношения зависели от придворных. Не землевладелец получал власть, а власть давала возможность получить земельные угодья. Собственником земельных участков при пронии, как и у стратиотов, считалось государство. В отличие от лена не было феодальной лестницы: пронию предоставлял только император, она далеко не всегда носила наследственный характер и необязательно была связана с военной службой. Прониар получал права на земельный участок со всеми его принадлежностями, включая лесные насаждения, при этом уплата налогов государству полагалась только за саму землю, на принадлежности распространялся иммунитет. Поскольку прония предоставлялось господствующему классу, дореволюционные юристы рассматривали ее как прообраз поместья [Неволин, 1851, т. 2, 195], тем более что она к концу существования Византии практически уничтожила стратиотное землевладение.

В пронию могли передаваться земельные участки как свободных крестьян, так и париков. В первом случае прониары стремились опутать крестьян поборами и перевести в категорию париков, дабы впоследствии, купив у них земельные участки, стать полноправными собственниками. В этом им помогал переход телоса (основного поимущественного сбора) с париков из публично-правовой в частноправовую категорию, так как изменение размеров телоса носило произвольный характер.

Парикия также приобрела широкое распространение, однако, в отличие от колоната, прикрепление париков к земле носило эпизодический характер. В отличие от крепостных крестьян Европы, большое количество париков жило на государственной земле.

В целом византийские земельные отношения – явление сложное и противоречивое. Одни институты обнаруживали сходство с аналогичными западноевропейскими, тогда как другие – с восточными. Некоторые институты византийского аграрного строя отличались индивидуальными, специфическими чертами, значительное своеобразие которых объясняется или особенностями общественного развития, или генетическими связями с античностью [Сказкин, 1967, т. 3, 141].

История развития лесных отношений в мусульманском праве

История развития земельных отношений в Золотой Орде тесно и неразрывно связано с мусульманским правом, поскольку собственно монгольские обычаи не знают прав на землю в европейском понимании из-за отсутствия земледелия, тем более они не знают и лесных отношений.

Одним из первых упоминаний о праве на земельные и лесные участки является грамота хана Темур-Кутлуга, выданная в 1397 году Мухаммеду, сыну Хажди Байрама, на тарханное владение. Она предоставляла права на земли, воды, сады, бани, мельницы, находящиеся в его владении «свободные места», деревни и другое имущество, которое освобождалось от налогов и закреплялось за тарханом Мухаммедом. Таким образом, здесь владение землей производно от службы хану, как и в Византии и Московском государстве.

На землях тархана жило зависимое население – сабанчи, которое обрабатывало земельные участки и платило определенную подать в казну Орды (калан). Вопрос о прикреплении сабанчи к земле остается открытым, источники не дают однозначного ответа. Однако в конце XIII века в Северном Иране, находившемся под властью монгольской династии из дома Хулагу, прикрепление крестьян к земле стало широко распространенным явлением. Об этом лучше всего говорит тот факт, что хулагидский хан Газан-хан (1295-1304) издал в 1303 году ярлык о военных икта, согласно которому землевладельцы могли искать беглых крестьян в течение тридцатилетнего срока [Греков, Якубовский, 1998, 83-89]. Намного больше ясности в вопросе с уртакчи (батраками), которые нанимались на обработку земли на условиях личного найма в обмен за еду. Они были лично свободными, но в силу тяжелого экономического положения легко меняли свой статус на рабов.

Под иктой (إقطاع — надел) понималась передача государством территории и доходов с нее (харадж) какому-то конкретному лицу с правом наследования. При этом была возможна передача территории под полный контроль какого-то лица (мульк), либо же только получение доходов (ушр или харадж) с них. Таким образом, икта напоминает византийскую пронию, но, в отличие от нее, носит преимущественно наследственный характер. Она была распространена в Арабском халифате, а в Золотой Орде заменена на суюргал и туюл.

Суюргал – наследственный надел, напоминавший европейский лен, но предоставлявшийся исключительно из казны (отсутствие феодальной лестницы является отличительной чертой восточного Средневековья). Часто суюргал предоставлялся с тарханной грамотой, что еще больше сближало его с леном, поскольку тархан – владелец суюргала – взимал в свою пользу на принадлежащих ему земельных участках все налоги, подати и повинности, которые ранее шли в казну хана [Там же, 104]. Помимо икты, суюргал в Золотой Орде вытеснил и катиа – условное владение землей в обмен на исключительно военную службу в Арабском халифате. Туюл – временное земельное владение, более похожее на пронию и бенефиций, но распространенное гораздо меньше суюргала.

Мечети и иные мусульманские заведения владели земельными участками и иным недвижимым имуществом на праве вакуфа (вакфа). Вакуфные земли не могли отчуждаться и находились в бессрочном пользовании мечетей, однако собственностью в классическом смысле не считались, поскольку должны были использоваться в религиозных и благотворительных целях (разумеется, на практике это не всегда соблюдалось). Вакуф зародился во времена Арабского халифата, распространился на завоеванные арабами территории, применялся в Золотой Орде [Там же, 230-231], а также в Российской империи (в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму) вплоть до ее падения. При этом вакуфные земли могли сдаваться в бессрочную наследственную аренду с предоставлением арендатору права возводить постройки, селиться на этих землях в обмен за плату до половины урожая. Такие вакуфы назывались населенными и являлись аналогами чинша и эмфитевзиса.

Существовал и аналог римской собственности, русской вотчины и европейского аллода, называемый мульком. Он не был связан со службой и распространялся на все слои населения, а не только на привилегированный класс. Первоначально мульк предоставлялся арабским переселенцам на Кавказ и в Среднюю Азию, но впоследствии стал распространяться и на местное население, принявшее ислам [Абдурагимов, 1995, 142]. Мულк мог носить как индивидуальный, так и общинный характер (мульк умуми). Часто его устанавливали на воду и ирригационные сооружения, которые, ввиду их важности для сельского хозяйства, отделялись от земельного участка и становились самостоятельным объектом права (в отличие от лесных участков).

Однако мульк получил свое распространение исключительно на окраинах Золотой Орды, поскольку у монголов действовала презумпция отнесения всей земли в пределах государства к собственности хана, что объяснялось кочевым характером их экономики вплоть до падения монгольских государств. Земледелием занималось покоренное население, сами монголы от хана и огланов (ханских родичей) до рядовых воинов вели кочевой образ жизни. Все, кроме хана, могли быть только владельцами земельных участков, но права на земельные (и лесные) участки у покоренных народов сохранились, поскольку Яса Чингисхана не настаивала на распространении монгольских обычаев на покоренные народы.

Воззрения монголов о том, что земля их государства – собственность их хана, включали в себя и убеждение в верховной власти правителя на подчиненной ему территории. Подобное правило об абсолютной (самодержавной) власти было доминирующим и у московских монархов, явно позаимствовавших его как у Золотой Орды, так и у Империи ромеев. Кроме того, от монголов было взято уважение к местным законам и обычаям при условии подчинения верховной власти (вплоть до падения Российской империи на ее окраинах действовало национальное право).

В целом мусульманское земельное право Золотой Орды имеет достаточно сходных черт с византийским правом, что позволяет говорить об их своеобразном восточном пути развития. Выделить исключительно лесные правовые нормы не представляется возможным ввиду отсутствия особого интереса законодателя к данным нормам, что говорит о неразрывной связи лесов с земельными участками.

Заключение

У Византии и Золотой Орды Русское государство позаимствовало нормы о недвижимости, верховенство власти монарха, зависимость земельной собственности и владения от государственной службы, правила о поместье, отчасти сервитуты, а также нормы о правах казачества и однодворцев (стратиоты).

В целом, хотя развитие Византии и Золотой Орды шло в общем для Средневековья русле объединения частного и публичного права, отдельные моменты правового регулирования отличались особым своеобразием. Многие из этих особенностей стали впоследствии составной частью отечественного права.

Библиография

1. Абдурагимов Г.А. Кавказская Албания – Лезгистан. Махачкала: Издательство ДГПУ, 1995. 608 с.
2. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.
3. Гримм Д.Д. Курс римского права. Т. 1. Вып. 1. Введение. Учение об основных правовых понятиях. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. 172 с.
4. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV веках. М.: Зерцало, 2003. 416 с.
5. Неволин К.А. История российских гражданских законов. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1851. Т. 2. 464 с.
6. Сказкин С.Д. (ред.) История Византии: в 3-х т. М.: Наука, 1967. Т. 1. 524 с.
7. Сказкин С.Д. (ред.) История Византии: в 3-х т. М.: Наука, 1967. Т. 3. 508 с.
8. Athanasiadis A., Andreopoulou Z. A web information system application on forest legislation: the case of Greek forest principles // *Procedia technology*. 2013. Vol. 8. P. 292-299. doi: 10.1016/j.protcy.2013.11.039
9. Johansson T., Hjältén J., de Jong J., von Stedingk H. Environmental considerations from legislation and certification in managed forest stands: a review of their importance for biodiversity // *Forest ecology and management*. 2013. Vol. 303. P. 98-112.
10. Kulkarni S. Forest legislation and tribals: comments on forest policy resolution // *Economic and political weekly*. 1987. Vol. 22. No. 50. P. 2143-2148.
11. McGinley K., Alvarado R., Cubbage F., Diaz D., Donoso P.J., Gonçalves Jacovine L.A., de Silva F.L., MacIntyre C., Zalazar E.M. Regulating the sustainability of forest management in the Americas: cross-country comparisons of forest legislation // *Forests*. 2012. Vol. 3. No. 3. P. 467-505. doi: 10.3390/f3030467
12. Schmithüsen F. Recent trends of forest legislation in developing countries // *Resource management and optimization*. 1982. Vol. 2. No. 1. P. 27-40.

The history of the formation of forest relations in Byzantine and Islamic law

Denis V. Kozlov

PhD in Law, Senior Lecturer,
Department of international law,
Southern Federal University,
344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: DVKozlov@sfnedu.ru

Abstract

Objective. The article aims to describe the regulation of forest relations in Byzantine and Islamic law and evaluate their impact on Russian law. **Methodology.** Research methodology involves application of general scientific methods (dialectic and heuristic methods, systematic analysis) and special methods of scientific cognition, including comparative legal and historical legal ones. **Results.** Byzantine law was created on the basis of Roman law. Initially, the forest was viewed as an integral part of the land lot and could be used by the right of ownership, emphyteusis, usufruct and rent. The latter gradually lost its civil character and acquired the characteristics of public dependence of tenant farmers from landowners, which led to the appearance of coloni and patronage. However, the invasion of Slavs and Arabs dramatically changed the situation: the former types of rights were replaced by communal ownership, strateia and rent. Moreover, forest plantations began to be viewed in some cases as a separate property. **Conclusion.** Islamic law had no purely civil forms, all institutions had a mixed private-public character. The most prevalent one was called suyural (ikta) that was analogous to pronia; vakuf (the ownership of land with forest plantations near mosques) was also widespread; mulk (ownership) was rarely met.

For citation

Kozlov D.V. (2016) *Istoriya stanovleniya lesnykh otnoshenii v vizantiiskom i musul'manskom prave* [The history of the formation of forest relations in Byzantine and Islamic law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (10B), pp. 270-282.

Keywords

Byzantine law, Islamic law, property, rent, forest plantations, land lot.

References

1. Abduragimov G.A. (1995) *Kavkazskaya Albaniya – Lezgistan* [Caucasian Albania – Lezgistan]. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University.
2. Athanasiadis A., Andreopoulou Z. (2013) A web information system application on forest legislation: the case of Greek forest principles. *Procedia technology*, 8, pp. 292-299. doi: 10.1016/j.protcy.2013.11.039
3. Grekov B.D. Yakubovskii A.Yu. (1998) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and its fall]. Moscow: Bogorodskii pechatnik Publ.
4. Grimm D.D. (1904) *Kurs rimskogo prava. T. 1. Vyp. 1. Vvedenie. Uchenie ob osnovnykh pravovykh ponyatiyakh* [A course in Roman law, Vol. 1-1: Introduction. Studies on basic legal concepts]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
5. Johansson T., Hjältén J., de Jong J., von Stedingk H. (2013) Environmental considerations from legislation and certification in managed forest stands: a review of their importance for biodiversity. *Forest ecology and management*, 303, pp. 98-112.
6. Kulkarni S. (1987) Forest legislation and tribals: comments on forest policy resolution. *Economic and political weekly*, 22 (50), pp. 2143-2148.
7. McGinley K., Alvarado R., Cubbage F., Diaz D., Donoso P.J., Gonçalves Jacovine L.A., de Silva F.L., MacIntyre C., Zalazar E.M. (2012) Regulating the sustainability of forest management in the Americas: cross-country comparisons of forest legislation. *Forests*, 3 (3), pp. 467-505. doi: 10.3390/f3030467
8. Momotov V.V. (2003) *Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX-XIV vekakh* [The formation of medieval Russian law in the 9th to 14th centuries]. Moscow: Zertsalo Publ.
9. Nevolin K.A. (1851) *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov* [A history of Russian civil laws], Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Schmithüsen F. (1982) Recent trends of forest legislation in developing countries. *Resource management and optimization*, 2 (1), pp. 27-40.
11. Skazkin S.D. (ed.) (1967) *Istoriya Vizantii: v 3-kh t.* [A history of Byzantium: in 3 vol.], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ.
12. Skazkin S.D. (ed.) (1967) *Istoriya Vizantii: v 3-kh t.* [A history of Byzantium: in 3 vol.], Vol. 3. Moscow: Nauka Publ.